
Вадим ПУГАЧ

* * *

Мы стареем, стареем: гастрит, артрит,
В висок стучится мигрень,
Небо к вечеру съеживается в овчинку.
И жена между делом мне говорит:
— Если верить в завтрашний день,
Надо сдать сапоги в починку.

Если завтра не явится Параклет,
Мы утешимся малым, как пара клеток.
Я живу с этой женщиной сорок лет,
Я люблю эту женщину сорок лет,
Мы прошли пустыню за сорок лет
И умрем в оазисе напоследок.

* * *

Ну, погнали: страдая, блаженствуй,
Оборудуй плацдарм для резни.
Что нам делать с истерикой женской?
Эту силу пойдя тормозни.

Бог мой, что за манеры задиры,
Лучше ты расскажи про Ватто,
Чем во мне проковыривать дыры
Несравненной своей правотой.

Вскрыла жилы под темной вуалью,
Нарядилась, как будто к венцу,
То глазами сверкает, как сталью,
То билет возвращает творцу.

Беглецу отомстила за Будду,
Остающемуся — за быт.
Я тебе никогда не забуду —
Все в огранку, никто не забыт.

Вадим Пугач родился в Ленинграде в 1963 году. По профессии — учитель словесности; кандидат педагогических наук; сейчас преподает в СПбГУ разные дисциплины, так или иначе связанные с педагогикой. Автор нескольких поэтических книг и одного романа, а также нескольких десятков публикаций в России и за рубежом. Председатель секции поэзии СП СПб. Живет в Санкт-Петербурге.

Я тебе никогда не прощу, пол
Не помою, ты слышишь, родной?
Сколько девушек ты перещупал...
Как признаешься, что ни одной?

Расплатись за пюре ли, за щи ты,
Снова слезы, и тут же металл,
Ты ей не дал опоры, защиты,
Не дал, не дал, не дал, недодал.

Может, воздуху ей не хватает,
Разве трудно меня уходить?
Но спасибо, что нож не хватает,
Да и некуда мне уходить.

* * *

И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

О. Мандельштам

Я убит подо Ржевом...

А. Твардовский

Обнаружь меня в Нижнем Тагиле,
Нижнем Новгороде или в нижнем
Мире, в общей могиле,
Как в Помпеях, в обнимку с ближним.

Мы в иллюзиях zoom'a, teams'a
Приглашаем единство на дом,
И с тобою во всем разнимся,
Но в могилу ложимся рядом,

Как в Помпеях, в обнимку с ближним,
В нижнем мире, общей могиле,
Где мы хлеба любви не выжнем,
Да и выжать его могли ли?

Мы с тобой умираем втайне.
Кто нас видел? Не палачи ли?
И теперь наконец в офлайне
Это право мы получили —

Это пропуск к единству в гнили —
Без постылых марша и гимна
Обниматься в общей могиле
Не смиренно, так анонимно.

Я не ведал бороться, браться
За оружие, я строчка в смете.
Не дано мне другого братства,
Кроме этого братства в смерти.

* * *

Хочешь издеваться — издевайся.
Жизнь моя! Иль ты проснулась мной?
Нечто излучает из девайса
Звероватость музыки земной.

Я стою, по-старчески покашливая,
Он мусолит прыщик над губой.
Может, эта дребедень неряшливая
Подлиннее музыки любой?

Хочешь раздаваться — раздавайся
Поровну, но остается слизь;
Звуковой вселенной раздувайся,
Лопайся и в пену воплотись.

Может, он услышал в шуме время,
Вот оно — заревано ревмя —
Машет, точно зверь над нами всеми,
Головами бритыми тремя.

Вот подросток. Он родился бритым
Розовым придатком калаша,
И не в рай — не попадает в ритм
Недомузикальная душа.

Я же, ничего не понимая,
Музыки чужой не разберу,
Гость случайный, тварь глухонемая
На кровавом радостном пиру.

Что ему такое выпадает,
Если он из ритма выпадает?
Или это только я так думаю,
Темпа не осилив, на беду мою?

Пусть не за границей, но за гранью,
За чертой оконной и дверной
Пролечу весенней гулкой ранью,
Что твоя фанера над страной.

* * *

Вот и отпустили Вар-раввана,
Ухмылялась сумрачная чудь,
И Мария, точно воровала,
Воздух урывала по чуть-чуть.

Плачь, Мария, но не трать глагола,
Глотка перекручена, как жгут.
Нас насквозь прожиг Савонарола,
И его, как водится, сожгут.

Ухмылялась сумрачная мера,
И рыдали в голос буржуа.
Кто сказал, что каждому — по вере?
Эта хохма до сих пор жива.

Плачь, Мария. Ты еще живая.
И в толпу юродивых не лезь.
Помнишь, как, ладони обжигая,
Ухмылялась сумрачная весь?

Мы привыкли к холоду и зною,
Нам опасно волю даровать.
Я другой такой страны не знаю,
Где так сладко воздух воровать.

МОРСКОЙ ПРОСПЕКТ

Во дворе на траву налетели шмели,
Зеленеет по-вешнему липа,
Мужики в продуктивном все пиво смели
И сидят, расслабляются типа.

И смолят под пивко, забивают козла —
Все матерые, с опытом шконок.
А меня сюда мама сейчас привезла,
Я ребенок, я даже не школьник.

Здесь был дом, и его аскетичный фасон
Отвечал коридорной системе,
Но теперь он снесен. Вообще это сон,
Это сон оккупирует темя.

Да, я все еще там, точно кто-то сковал,
И проклятью служу родовому.
Может быть, оттого я всю жизнь тосковал,
Что сословию чужд трудовому.

Это сон — так и думал, что я глюкану,
Как еще бы собой понимался?
Я спускаюсь в метро, ухожу в глубину
Там, где раньше наверх поднимался.

Настоящее детство лови задарма:
Плюс болезненность, минус плешивость.
Это мама еще не свернула с ума,
Не уехала, ног не лишилась.

Будто кто в электричке рванул рукоять:
Стоп-машина, и где же охрана?
И в пропавшем дворе продолжаю стоять,
Вот и детство не сходит с экрана.

А теперь на Морском почитают Коран,
Жизнь иная, но тоже чужая.
Я стою и смотрю, как во сне, на экран,
Не въезжая и не уезжая.